

В ловушке эскалации

Цель сдерживания – убедить противника не действовать, но это может быть воспринято как агрессия. Есть ли выход из этой дилеммы?

Пожалуй, лишь через несколько десятилетий историки найдут верный термин для характеристики настоящего. Слишком многое сейчас еще в процессе, слишком мало материализовалось полностью. Новое противостояние Востока и Запада, холодная война – 2.0, конец системы, основанной на правилах, или начало многополярного мирового порядка? Недостатка в идеях не будет. Не будет недостатка, конечно, и в попытках провести параллели с прошлыми временами. Но некоторые термины – словно из прошлых эпох и, скорее всего, будут характеризовать стратегические дебаты следующих лет. «Сдерживание» – именно такой термин.

Причин этого много, главные из них вполне очевидны. За прошедшие десять лет европейский порядок безопасности дважды был сломан: аннексией Россией Крымского полуострова в 2014 году и вторжением в Украину в 2022-м, что стало поворотным моментом в немецкой политике. Признаки ухудшения отношений между Россией и Западом были и раньше. То, что произошло, и то, что надо предотвратить в будущем, собственно, формирует нынешний дискурс о сдерживании.

Сама концепция сдерживания происходит со времен пика холодной войны (корнями она уходит в античность). Ядерное оружие НАТО предназначалось для предотвращения нападения на Западную Европу стран Варшавского договора, которые преобладали по количеству конвенционного оружия. Сейчас наоборот: Россия, которая вооруженно и технологически уступает НАТО, с помощью тактического и стратегического ядерного арсенала сдерживает НАТО от военного вмешательства в войну в Украине.

Ядерное сдерживание работает так: страна А воздерживается от действий против страны Б, поскольку Б четко сигнализирует о последствиях. Страна А принимает их во внимание при принятии решений, то есть воздерживается от действий. Дискурс о

сдерживании сосредотачивается на стратегическом уровне, на применении ядерного оружия, но также распространяется на конвенционное оружие и экономику. Вдохновитель ядерной стратегии США Томас Шеллинг определил сдерживание как предотвращение действия из-за угрозы последствий. Сейчас эта тема нишевая, несмотря на ее важность.

*Реалии сдерживания
гораздо сложнее, чем
теоретически-игровые
расчеты затрат и выгод*

Реалии сдерживания намного сложнее, чем теоретически-игровые расчеты затрат и выгод. Для конфликтов характерно мышление «свой – чужой», лингвистически и социально сконструированный исторический образ врага и большое недоверие. *Othering* обостряет противостояние, дискурсивные границы затрудняют понимание противоположной стороны. Действия другой стороны часто воспринимаются как угроза, в политических дебатах царит паранойя. Те, кто принимает решения, соревнуются в резкости и решительности вместо, собственно, поиска решения. Такая динамика затрудняет разработку стратегий сдерживания и улаживания конфликтов.

Стратегия сдерживания разрабатывается в контексте, где важен не столько закон, сколько то, что есть на практике и как избежать худшего сценария. Моральное осуждение другой стороны, часто присущее политическим дебатам, может затмевать стратегические рассуждения и приводить к ошибочным выводам. Такие искажения снижают эффективность стратегий сдерживания и затрудняют управление конфликтами.

Сдерживание требует понимания психологии противоположной стороны и восприятия изменений в дискурсе во время конфликта. Оно работает через стратегическую эмпатию: знание страхов и тревог другой стороны помогает избегать действий, которые могут их подпитывать. Особенно важно видеть, что сдерживание происходит в голове противника. Но в конфликтных ситуациях, когда разрушается доверие, трудно продемонстрировать решительность так, чтобы ее не восприняли как форму агрессии.

*Что касается нынешней
войны в Украине, то*

Что касается нынешней войны в Украине, то Россия, возможно, считает, что военное противостояние с НАТО уже началось. Об

*Россия, возможно,
считает, что военное
противостояние с
НАТО уже началось*

этом свидетельствуют заявления российских внешнеполитических деятелей и комментарии в СМИ, цель которых – повлиять на западную аудиторию. Для российских элит это позиция силы, несмотря на критику со стороны Запада. Если одна сторона считает, что она в состоянии войны, а другая отрицает, это влияет на организацию и методы сдерживания.

Такая асимметрия в интерпретации ситуации может привести к разной оценке рисков сторонами. Если Запад считает, что до прямого военного противостояния с Россией достаточно далеко, он может быть готов к более эскалационным (с точки зрения России) шагам. К ним относится решение разрешить использование баллистических ракет ATACMS (а также крылатых ракет Storm Shadow и SCALP) по целям в России или в будущем передать Украине крылатые ракеты JASSM (с дальностью действия плюс-минус 1000 километров в зависимости от конфигурации). Владимир Путин отметил, что посчитает такой ход вещей прямым участием Запада в войне.

Регулярное использование Украиной таких ракет увеличит цену войны для России. Цель – добиться изменения поведения. Но также вероятно, что Россия будет пытаться увеличить цену для Украины и Запада. Это может варьироваться от целого ряда новых гибридных действий, эскалации на поле боя (таких, как, например, недавнее использование экспериментальной БРСД «Орешник» с ракетами с несколькими боеголовками против целей в Днестре, новые атаки на гражданскую инфраструктуру или передача современных противокорабельных ракет Р-800 «Оникс» мятежникам в Красном море) до возобновления испытаний ядерного оружия.

Если Россия посчитает, что сдерживание больше не работает, поскольку она снова и снова подвергается ракетным атакам без ощутимых потерь для Запада, она может пойти на массированную эскалацию или расширение конфликта, чтобы вернуть себе надежное средство сдерживания. Речь может идти также о дальнейшем *escalate to de-escalate*.

*В такой динамичной и
напряженной ситуации
всегда возможны
просчеты и*

В такой динамичной и напряженной ситуации всегда возможны просчеты и неправильная интерпретация. Тогда быстро включается автоматизм – точка невозврата. Информация с обеих сторон никогда не

неправильная интерпретация

будет совершенной. Цели политики и ее реальные последствия в стрессовых условиях могут не совпадать. Сдерживание как стратегия предотвращения может дрейфовать в противоположную сторону и способствовать эскалации.

Конфликт между сдерживанием и стратегической стабильностью, с одной стороны, и втягиванием в вооруженный конфликт, с другой, может способствовать разрушению этой стратегической стабильности между НАТО и Россией. Однако долгосрочные решения для сдерживания тоже могут способствовать (в общем дискурсивном контексте недоверия и вражды) продолжению и обострению конфликта.

Центральная задача НАТО, согласно *Strategic Concept 2022*, формулируется как *deterrence and defence*. Немецкая стратегия безопасности также настаивает на этом подходе. Расширение военной инфраструктуры, например, запланированное США размещение в Германии так называемых *Long Range Fires* (включая гиперзвуковое оружие, такое как *Dark Eagle*), приобретение новых платформ, таких как F-35, и увеличение количества маневров, является проявлением уверенности в себе и демонстрацией решимости.

Впрочем, это не обязательно должно повлиять на Россию так, как желает НАТО, то есть сдержать ее. Москва еще больше, чем в прошлые годы, будет глуха к заверениям оборонного альянса в том, что его действия не направлены против России. Напротив, эти меры НАТО, направленные на сдерживание, могут привести к усилению ощущения незащищенности и побудить Россию к действиям для уменьшения этой незащищенности или увеличения незащищенности другой стороны.

Это происходит, например, через наращивание российского потенциала, размещение ядерного оружия на границах НАТО, увеличение количества учений ядерных сил, разработку новых систем доставки или укрепление новых альянсов. Сфера «эзотерического супероружия», такого как гиперзвуковой планер «Авангард», ядерный подводный дрон «Посейдон» и ядерная крылатая ракета «Буревестник», также является частью потенциала сдерживания.

Сейчас особенно важно

Попытка НАТО усилить свою безопасность на фоне войны в Украине путем

*осознавать, что меры,
направленные на
сдерживание, не
обязательно имеют
желаемый
деэскалационный
эффект*

демонстрации уверенности и решимости в конечном итоге приводит к дилемме безопасности. Это может привести к постоянному росту потенциала и угроз, спирали вооружения и эскалации. Именно потому, что Россия, возможно, считает, что уже воюет с НАТО в Украине, политические требования применения оружия против российской территории (например, крылатых ракет «Таврус») могут привести к более быстрой эскалации и кульминации в виде прямых боевых действий между Россией и НАТО.

Решение о развитии новой военной инфраструктуры и конфронтационная позиция будут характеризовать отношения между НАТО и Россией в ближайшие десятилетия – улучшение вряд ли возможно. В лучшем случае через несколько лет после того, как по крайней мере горячая фаза конфликта в Украине, вероятно, будет завершена, этот вопрос станет предметом дебатов о контроле за вооружением и разоружении, а также разменной монетой в переговорах.

Сейчас особенно важно, чтобы политики, принимающие решения, осознавали, что меры, направленные на сдерживание, не обязательно имеют желаемый деэскалационный эффект. Если другая сторона воспринимает эти шаги как угрозу своей безопасности или считает, что она уже в состоянии войны, они могут полностью подорвать стратегическую стабильность между сторонами.

Из этого следует необходимость детального обсуждения и оценки стратегических интересов и, в случае необходимости, пересмотра и корректировки этих интересов на фоне обострения проблем с безопасностью. Требование времени – взять паузу для принятия качественных решений, которые будут отражать как краткосрочную, так и долгосрочную динамику.

Йоханн Иванов

Йоханн Иванов (Johann Ivanov) – сотрудник Фонда им. Фридриха Эберта по вопросам мира и безопасности. Ранее он возглавлял офис Фонда в Гане и был заместителем главы представительства Фонда в Индии. Он изучал политологию и политическую теорию в Свободной университете Берлина, Казанском федеральном университете, а также в Эдинбургском университете.

